

временники алхимического *Великого деяния*, предвосхитили химическое источниковедение алхимии, как бы предусмотрев все четыре его вариации: лженаука, предхимия, химия, сверххимия. И все-таки вновь тот же вопрос: химией или не химией была средневековая алхимия? А может быть, алхимический источник есть просто... алхимический источник, требующий целостного обзора — во всяком случае взгляда синтетического? Историография алхимии зафиксировала и такие мнения. С анализом этих мнений повременим, отметив пока частичный характер «химических» интерпретаций алхимии как деятельности, а значит, и алхимического текста. Алхимический текст как источник исторический остался неприкосновенен, ибо его так называемый химический экстракт не есть свидетельство его сути. Все осталось, как было. Прочтение текста не состоялось.

НО ВЕРНЕМСЯ к нашим *драконам*.

Практический подтекст рецепта как будто уже раскрыт. Два предметных пласта обнаруживаются сразу: свинец, его окислы и соли, с одной — земной стороны; и их почти двойники — *львы и дракон*, благоденствующие под сенью и под синью неба.

Приключения *льва* запечатлены не только в алхимических, но и в иных текстах средневековья. *Дракон* — полисемантический парафраз древнеегипетского *Уробороса*; иносказание гностического змея познания. Жертвенные перипетии *львов* и *дракона*, очищенных в священном огне, даны как занимательные приключения, героизирующие их участников. Именно приключенческая природа главной алхимической субстанции — металлов — делает повествование эпически полнокровным, а пафос совершенствования — боговдохновенным. Неукоснительность предписания роднит алхимический мир с алхимическим мифом. Магические заклинания, обеспечивающие успех предприятия, слышны в невыразимом безглаголии.

Когда же в рассказ вторгается вдруг такое: «*Киммерийские тени покрывают реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост*», нет сомнения, текст такой мощной метафоричности действительно исполнен эстетических притязаний. Если же углубиться к началу, вернее, к *началам* — *аристотелевским*, космогоническим, обернувшимся алхимическими началами, мы можем включить этот рецепт в фундаментальный контекст древних космогоний. Текст этот предельно зрим и таит в себе возможности быть изображенным. Жадровое многоголосье алхимического сочинительства. Так что же такое алхимический текст, понятый как исторический источник? Это — все вместе — «физико-химическая» процедура и натур-философская теория, магический ритуал и языческое чернокнижие, схоластическое философствование и мистические озарения, истовый аристотелизм и неуклюжее варварство, дорождественские космогонии и христианская боговдохновенность, неукоснительная обязательность мифа и эпическая остротенность, высокая литература и изобразитель-